

Модели ресоциализации студенческой молодёжи новых российских регионов

Научная статья

DOI: 10.31992/0869-3617-2025-34-5-87-102

Смирнов Владимир Алексеевич – д-р социол. наук, доцент, доцент кафедры современной социологии социологического факультета, ORCID: 0000-0003-1228-9318, SPIN-код: 9464-8949, kano_igt@mail.ru

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Адрес: 119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, МГУ, д. 1, стр. 33

***Аннотация.** В статье на основе авторского эмпирического исследования разработана типология моделей ресоциализации студентов университетов, расположенных в новых российских регионах. Автором обозначены ключевые параметры, позволяющие дифференцировать студенческую молодёжь и на основании этого выделить возможные траектории её реинтеграции в российское общество.*

Опираясь на результаты исследования и кластерного анализа, автор обосновывает существование трёх групп студентов, различающихся с точки зрения ценностных ориентаций, жизненных планов, гражданской идентичности. Результатом анализа стало выявление и верификация трёх типов моделей ресоциализации студенческой молодёжи новых российских регионов («спонтанная модель», «протестная модель» и «конгруэнтная модель»). В статье дано описание кластеров и моделей ресоциализации, сформулированы отдельные рекомендации, направленные на дифференциацию молодёжной и образовательной политики в зависимости от той или иной группы учащейся молодёжи.

***Ключевые слова:** студенческая молодёжь, ресоциализация, кластерный анализ, модели ресоциализации*

***Для цитирования:** Смирнов В.А. Модели ресоциализации студенческой молодёжи новых российских регионов // Высшее образование в России. 2025. Т. 34. № 5. С. 87–102.*

DOI: 10.31992/0869-3617-2025-34-5-87-102

Models of Student Re-Socialization in New Russian Regions

Original article

DOI: 10.31992/0869-3617-2025-34-5-87-102

Vladimir A. Smirnov – Dr. Sci. (Sociology), Associate Professor, Associate Professor of Modern Sociology Department of the Faculty of Sociology, ORCID: 0000-0003-1228-9318, SPIN-code: 9464-8949, kano_igt@mail.ru

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Address: 1, Leninskie gory, bld. 33, GSP-1, Moscow, 119991, Russian Federation

Abstract. Based on the author's empirical research, in the article a typology of models has been developed for the re-socialization of university students located in new Russian regions. The author identifies key parameters that make it possible to differentiate student youth and, based on this, identify possible trajectories for their reintegration into Russian society.

Based on the results of the research and cluster analysis, the author substantiates the existence of three groups of students who differ in terms of value orientations, life plans, and civic identity. The analysis resulted in the identification and verification of three types of models of student re-socialization in new Russian regions ("spontaneous model", "protest model" and "congruent model"). The article describes clusters and models of resocialization, and makes separate recommendations aimed at differentiating youth and educational policies depending on a particular group of students.

Keywords: student youth, resocialization, cluster analysis, models of resocialization

Cite as: Smirnov, V.A. (2025). Models of Student Re-Socialization in New Russian Regions. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. Vol. 34, no. 5, pp. 87-102, doi: 10.31992/0869-3617-2025-34-5-87-102 (in Russ., abstract in Eng.).

Введение

Важной задачей государственной молодёжной и образовательной политики является социальная интеграция молодёжи новых российских территорий в социокультурное пространство страны, формирование у неё национально-ориентированной гражданской идентичности. Социализация молодых людей новых российских регионов протекала, с одной стороны, в ситуации эскалации военной угрозы, с другой – под серьёзным информационным воздействием недружественных России государств. Это не могло не повлиять на их ценностные ориентации, жизненные планы, гражданскую идентичность. Сегодня необходимо говорить не просто о точечных мероприятиях образовательной и молодёжной политики, а о системной ресоциализации молодёжи новых регионов, результатом которой станет её адаптация и полноценная интеграция в социально-экономическое, социокультурное и политическое пространство Российской Федерации.

Наиболее эффективным и результативным направлением такой работы может стать системная деятельность по ресоциа-

лизации, ориентированная на учащуюся молодёжь (школьники, учащиеся, студенты). Это обусловливается тем фактом, что именно эти группы молодых людей представляют собой достаточно структурированные сообщества, объединённые общими локальностями, различными видами совместной деятельности. Используя социальные технологии, такие как социокультурное проектирование [1], обучение служением [2], добровольчество [3] и др., становится возможным в достаточно короткие сроки вовлечь значительную часть учащейся молодёжи в процессы конструктивного развития своих учебных заведений, территории проживания, страны. Это, в свою очередь, позволит молодым людям в режиме реальной деятельности и в процессе коммуникации со сверстниками из «традиционных» регионов интериоризировать российские национально-ориентированные ценности, модели поведения, тем самым осуществляется эффективная ресоциализация в новых жизненных обстоятельствах.

Процесс ресоциализации учащейся молодёжи новых российских регионов не носит линейного характера и во многом

определяется теми установками и ценностными моделями, которые сформировались в молодёжной популяции под воздействием предыдущих десятилетий. В этой связи возникает исследовательская задача выделения различных группы молодых людей, близких по своим доминирующим позициям, жизненным устремлениями и стратегиям. Такая дифференциация позволит более точно осуществлять управление процессом ресоциализации, создавая для разных групп молодых людей наиболее адекватные условия и используя социальные технологии эффективные для конкретной группы.

В рамках настоящей статьи на основе кластерного анализа предложена апостериорная типология моделей ресоциализации студенческой молодёжи новых российских регионов, основанная на результатах проведённого автором социологического исследования. Она может быть использована при реализации образовательной и молодёжной политики в новых регионах, чтобы управлять процессом социальной интеграции молодого поколения более эффективно и целенаправленно.

Феномен ресоциализации: направления исследований

Ресоциализация – это «процесс освоения индивидом социальных норм и культурных ценностей, не освоенных или недостаточно освоенных ранее, или обновлённых на новом этапе общественного развития» [4, с. 297].

В социологии феномен ресоциализации рассматривается в двух контекстах. С одной стороны, он обусловлен изменениями, происходящими в обществе, и представляет собой «переключение человека с одного мира на другой» [5] в ситуации резких социальных трансформаций, с другой, ресоциализация может быть связана с особенностями жизненного пути самого человека, изменением его ценностных ориентаций, установок и т. д. Это определённый тип личностного изменения, ведущий к перестройке поведенче-

ских моделей человека [6]. Представляется, что исследуемый в данной статье феномен ресоциализации студенческой молодёжи новых российских регионов обладает общими характеристиками, поскольку связан как с резкими изменениями в жизни самого общества, так и с абсолютно новым этапом в жизни конкретного индивида.

Особенностью процесса ресоциализации и отличием её от вторичной социализации является то, что в случае последней человек осваивает новые модели поведения, опираясь на предыдущий опыт, полученный в процессе первичной социализации. Ресоциализация не ассоциирована с прошлым опытом человека, её основа – не «подгонка» имеющихся ценностных установок и поведения под новые обстоятельства, а полная перестройка жизненного мира, в котором прежние модели перестают соответствовать социокультурной среде [5].

Традиционно феномен ресоциализации рассматривается в контексте второй модели, характеризующей ситуацию изменения жизненной траектории самого человека. Значительное число работ посвящено осмыслению процесса реинтеграции молодого человека, оказавшегося в сложной жизненной ситуации, связанной с нарушением закона, и отбывающего наказание. Часть подобных работ посвящена моделям ресоциализации молодёжи, попавшей в криминальные группировки [7], другие акцентируют внимание на методологии [8] и конкретных социальных технологиях [9], а также причинах вовлечения молодёжи в противоправную и экстремистскую деятельность [10]. Отдельные работы связаны с осмыслением процесса посткриминальной ресоциализации отдельных групп молодёжи [11].

События последних лет актуализировали тематику ресоциализации молодёжи, переместив её фокус с дисфункций личной жизненной траектории на осмысление влияния геополитических процессов. Наиболее значимым элементом ресоциализации молодёжи новых территорий являются

политическое сознание и установки [12], отдельные авторы концентрируются на особенностях гражданской идентичности и её формировании в университетах [13], делают попытки изучать ценностные ориентации молодых людей, позволяющие прогнозировать особенности процесса ресоциализации [14].

Несмотря на появление работ, исследующих особенности ресоциализации молодёжи новых российских регионов, сегодня практически отсутствуют публикации, предметом которых является студенческая молодёжь. Кроме того, отсутствуют публикации, направленные на разработку типологий молодого поколения новых территорий, выделение в общей когорте отдельных сообществ, различающихся с точки зрения ценностных ориентаций, гражданских установок, отношения к происходящим событиям. Разработка на основании этих критериев моделей ресоциализации студенческой молодёжи позволяет не только снизить дефицит исследований в этой области, но и предложить действенный инструмент дифференциации молодёжной политики в зависимости от разных молодёжных групп и сообществ. Решению данных задач посвящена настоящая статья.

Методология и методы исследования

Статья основана на результатах авторского эмпирического исследования, проведённого осенью 2024 года на территории Донецкой и Луганской народных республик, Запорожской и Херсонской областей методом онлайн-анкетирования. Выборка составила 1100 человек в возрасте от 18 до 22 лет. Выборка исследования квотная, стратифицированная по полу (мужчины – 43%, девушки – 57%). Другие критерии стратификации (по возрасту, направлениям подготовки и т. д.) не использовались ввиду недостаточного для этого объёма выборки, а также отсутствия надёжных данных, характеризующих генеральную совокупность (студенчество новых территорий).

Участие в исследовании приняли студенты Донецкого государственного университета, Мариупольского государственного университета им. А.И. Куинджи, Херсонского государственного педагогического университета, Луганского государственного педагогического университета, Донбасского государственного университета юстиции, Азовского государственного педагогического университета.

Для типологии студенческой молодёжи новых российских регионов с точки зрения моделей ресоциализации был использован кластерный анализ методом k -средних (число кластеров определялось с использованием метода локтя) [15].

Для его проведения был отобран ряд переменных, характеризующих разные сферы жизненного мира студентов новых российских регионов:

- 1) жизненные ценности;
- 2) ближайшие жизненные планы;
- 3) тип миграционных стратегий;
- 4) тип гражданской самоидентификации;
- 5) оценка факта присоединения территории проживания к РФ;
- 6) уровень доверия отдельным общественным и политическим институтам и акторам (Президент РФ, губернатор региона, соседи и знакомые, церковь).

Выбор указанных признаков для оценки типа ресоциализации студенческой молодёжи обусловлен рядом обстоятельств.

Во-первых, ценностные ориентиры являются важным элементом структуры личности и способствуют выбору той или иной жизненной стратегии и, значит, напрямую влияют на социальную интеграцию молодого человека. В зависимости от доминирующих ценностных установок модель ресоциализации будет базироваться на адаптивных стратегиях и поиске ресурсов развития в сложившейся ситуации или же, наоборот, ориентировать молодого человека на поиск иных условий, в которых его ценностные структуры могут быть проявлены более выражено.

В-вторых, ценностные установки тесным образом связаны с жизненными планами, которые являются неотъемлемой частью успешной ресоциализации и интеграции в новый социокультурный контекст. Поскольку речь идёт о студенчестве, то основной вектор жизненных планов – это продолжение или прерывание обучения, завершение его в рамках территории проживания или в других регионах, представления о профессиональной самореализации после завершения обучения.

В-третьих, поскольку внимание сосредоточено на особой группе студенческой молодёжи, социальное развитие которой происходило в условиях эскалации военного конфликта начиная с 2014 года, важным структурным элементом жизненного пространства молодого человека является его отношение к происходящим геополитическим событиям последнего десятилетия. Это отношение проявляется в наборе гражданских диспозиций, содержанием которых являются: *гражданская самоидентификация* (соотнесение себя с одной из групп: «гражданин мира», «гражданин своей страны», «житель своего населённого пункта»); *оценка факта присоединения территории проживания к РФ* (как знакового события нескольких последних лет), *выраженность миграционных стратегий*, как деятельностное проявление гражданских диспозиций разных групп студентов. Не менее важным элементом системы гражданских диспозиций молодых людей является уровень доверия к основным общественно-политическим институтам РФ. Институциональное и межличностное доверие являются важными факторами солидарности внутри любого общества, что также становится важным фактором успешной ресоциализации студенческой молодёжи.

Все выделенные признаки носят субъективный характер и позволяют оценить

внутреннюю предрасположенность разных групп студенческой молодёжи к тому или иному вектору своего развития в новых социально-экономических и социокультурных условиях и, значит, разным моделям ресоциализации. Такой подход представляется обоснованным, поскольку динамичные изменения внешней среды (восстановление университетов, строительство новых университетских кампусов, молодёжных пространств и т. д.)¹ сами по себе не решают задачу социальной интеграции молодого поколения, а лишь создают для этого необходимые условия. Ключевым фактором интеграции остаётся внутренняя готовность молодого человека принять новый социокультурный контекст, найти в нём отражение своих ценностей, жизненных устремлений, возможностей для личностной, профессиональной и гражданской самореализации. В этой ситуации построение апостериорной типологии студенческой молодёжи новых российских регионов с точки зрения их жизненных ценностей и установок может стать важным инструментом для разработчиков образовательной и молодёжной политики в новых российских регионах.

Результаты исследования

На основе кластерного анализа были выделены три группы студентов, обучающихся в вузах новых российских регионов, чьи жизненные ориентации, а значит, и потенциальные стратегии поведения значительно отличаются друг от друга. В первый кластер вошли 34,6% респондентов, во второй и третий 24,8 и 40,6%, соответственно. Полученные кластеры оказались не сбалансированными, что позволяет сделать вывод о том, что студенческая молодёжь новых российских регионов в значительной степени дифференцирована с точки зрения своих установок.

¹ Вузы новых регионов активно интегрируются в научно-образовательное пространство России. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novosti-ministerstva/75527/> (дата обращения: 12.01.2025).

Таблица 1

Ценностные ориентации студенческой молодёжи в разрезе разных кластеров, %

Table 1

Students' value orientations in the context of different clusters, %

Что является ценным в жизни	Кластер		
	Первый	Второй	Третий
Карьерный рост	34,3	28	37,8
Материальное благополучие	38,3	26,1	35,6
Образование	24,5	25,2	50,3
Психологическое благополучие	39,5	26,5	33,9
Работа	30,7	20,7	48,6
Расширение круга знакомых и друзей	34,9	26,5	38,6
Саморазвитие и самосовершенствование	35	23,8	41,2
Семья	32,5	25,1	42,4

Таблица 2

Жизненные планы студентов в разрезе разных кластеров, %

Table 2

Students' life plans broken down by different clusters, %

Жизненные планы	Кластер		
	Первый	Второй	Третий
Завершить обучение и искать работу в другом регионе России	29,1	17,4	26,2
Завершить обучение и работать в регионе, в котором живу сейчас	37,1	22,3	50,7
Завершить обучение и уехать в другую страну	5,2	20,7	3,6
Затрудняюсь ответить	11,9	26,7	10,1
Переехать в другую страну, не завершая обучения	1,2	3,1	0,2
Продолжить обучение в другом регионе России	2,4	2	2,3
Продолжить обучение в регионе, в котором живу сейчас	12,8	7,8	7

Начнём анализ с распределения ценностных ориентаций студентов (Табл. 1).

В таблице представлен перечень переменных, характеризующих те или иные жизненные ценности, и их распределение по трём кластерам. Для первого кластера доминирующими являются материальное и психологическое благополучие, а такие ценности как карьерный рост, расширение круга знакомых и друзей встречаются примерно с такой же частотой, как и в третьем кластере. Для последнего же наиболее значимы образование, работа, саморазвитие и семья, расширение круга знакомых. Второй кластер репрезентирует достаточно амбивалентную группу студентов, ценностные ориентации

которых слабо дифференцированы и скорее демонстрируют отсутствие выраженной позиции.

Учитывая особенности респондентов в качестве ключевого индикатора ближайших жизненных планов, нами оценивалась их позиция в отношении продолжения обучения и территории возможного трудоустройства (Табл. 2). С одной стороны, респондентам предлагалось оценить: готовы ли они продолжать обучение (магистратура) или же планируют трудоустройство после окончания бакалавриата, с другой, – ответить на вопрос, где бы они хотели реализовать свои планы (регион проживания, другой российский регион, другая страна).

Таблица 3

Миграционные стратегии студенческой молодёжи в разрезе разных кластеров, %

Table 3

Migration strategies of students within different clusters, %

Если бы у Вас была возможность сменить место жительства, какой бы вариант Вы выбрали?	Кластер		
	Первый	Второй	Третий
Не стал бы никуда переезжать	29,5	25,6	33,4
Переезд в другую страну	10,7	40,5	3,8
Переезд в крупный мегаполис России	25,5	17,2	31,9
Переезд в любой другой регион России	27,3	10	25,1
Переезд в регионы России, расположенные дальше от границы	7,1	6,7	5,9

Полученные результаты также демонстрируют различия между кластерами. Наиболее выраженную позицию демонстрируют респонденты второго и третьего кластеров. В последнем более 50% студентов ориентируются на реализацию себя в рамках территории проживания, порядка 26% после завершения обучения будут искать работу в другом регионе России. Второй кластер – это респонденты, чьи жизненные интересы во многом связаны с переездом за границу после завершения обучения. Такой вариант выбирает почти 21% опрошенных (при этом в первом и третьем кластерах этот процент составляет 5,2 и 3,6%, соответственно). Кроме того, можно предположить, что и 26,7% респондентов из второго кластера, затруднившихся дать ответ на данный вопрос, также размышляют о возможности трудоустройства за границей. В целом, более 50% респондентов второго кластера были не готовы на момент исследования продемонстрировать желание продолжить трудовую деятельность в Российской Федерации.

Что касается студентов первого кластера, то большая часть из них выбирает вариант «остаться на территории своего проживания» (37,1%) или же «переехать в другой регион России». При этом позиции респондентов здесь менее сфокусированы, чем в других группах. Представляется, что молодые люди, попавшие в первый кластер, с учё-

том их ценностных доминант главным образом ориентированы на достижение личного успеха (материального и психологического благополучия) и проектируют свою жизнь, используя именно эту мотивацию. Среди них нет выраженного единства, как в двух других кластерах, поскольку выбор той или иной жизненной стратегии определяется исходя из принципа «там, где лучше для меня».

Ближайшие жизненные планы студентов тесным образом связаны с оценкой возможности миграции (Табл. 3).

Если говорить о выборе той или иной миграционной стратегии, независимо от кластера, то 29,7% опрошенных выбирают вариант «не стал бы никуда переезжать», 18,2% – переезд в другую страну, более 51% хотели переехать в другой регион России, оставшиеся затруднились ответить.

Более 40% студентов, попавших во второй кластер, заявляют о своём желании покинуть территорию России и переехать в другую страну. Среди других групп студентов этот процент значительно ниже, в третьем кластере он не превышает 4%. Респонденты первого и третьего кластеров примерно с одинаковой частотой выбирают вариант «остаться на территории своего проживания» или же «переехать в другой регион России». В то же время стоит подчеркнуть тот факт, что респонденты третьей группы значимо чаще выбирают «не стал бы никуда переезжать», чем представители двух других

Таблица 4

Гражданская самоидентификация студентов, %

Table 4

Students' civic self-identification, %

Тип гражданской самоидентификации	Кластер		
	Первый	Второй	Третий
Гражданин мира	15,0	27,2	7,9
Житель своего населённого пункта	29,1	29,2	12,5
Гражданин своей страны	44,8	9,6	75,9
Затрудняюсь ответить	11,0	34,1	3,6

Таблица 5

Оценка факта присоединения территории проживания к РФ, %

Table 5

Assessment of the fact of the residence territory incorporation to the Russian Federation, %

Оценка факта присоединения	Кластер		
	Первый	Второй	Третий
Однозначно отрицательно	0,0	5,8	0
Однозначно положительно	42	4	94,3
Скорее отрицательно	0,6	5,1	0
Скорее положительно	43,3	34,1	4,9
Затрудняюсь ответить	14,1	51	0,8

групп. Почти треть студентов, независимо от кластера выбирают именно этот вариант.

Успешность ресоциализации молодёжи новых российских регионов во многом зависит от оценки происходящих геополитических событий. Она, в свою очередь, определяется политическими и гражданскими диспозициями, которые сформировались в студенческой среде в предшествующий период социализации. Для понимания этого аспекта жизненного мира студенческой молодёжи автором использовались два эмпирических индикатора:

1) определение типа гражданской самоидентификации (Табл. 4);

2) оценка факта присоединения территории проживания студента к Российской Федерации (Табл. 5).

И в первом, и во втором случае наблюдаем значимую дифференциацию респондентов в

зависимости от того кластера, к которому они были отнесены. Студенты из третьего кластера почти в 76% случаев демонстрируют национально-ориентированную гражданскую идентичность («гражданин своей страны»). При этом более 94% респондентов этой группы дают однозначно положительную оценку факту присоединения территории своего проживания к РФ.

Для первого кластера характерна чуть более сдержанная, но в целом также положительная оценка факта присоединения (42% – «однозначно положительно», 43,3% – «скорее положительно»), сочетающаяся с национально-ориентированной и локальной («житель своего населённого пункта») гражданской идентичностью.

Отличную от других групп позицию в контексте обоих исследуемых индикаторов демонстрируют респонденты второго кла-

Уровень доверия общественно-политическим институтам/актерам, %

Таблица 6

Table 6

Level of trust in socio-political institutions/actors, %

Институт/ актер	Уровень доверия	Кластер		
		Первый	Второй	Третий
Президент РФ	Доверяю	34,8	9,3	55,9
	Не доверяю	4,9	85,3	9,8
Губернатор вашего региона	Доверяю	28	11,3	60,7
	Не доверяю	26,8	47,2	26
Соседи, знакомые	Доверяю	27,5	27,6	44,9
	Не доверяю	23,1	33,7	43,1
Русская православная церковь	Доверяю	28,6	14,4	57
	Не доверяю	19,4	61,7	18,9

стера. Среди них наиболее высок процент тех, кто выбирает глобалистский тип гражданской самоидентификации («гражданин мира»), при этом, по мнению автора, он может быть ещё более выраженным, поскольку чуть более 34% студентов затруднились дать однозначный ответ. Можно констатировать, что молодых людей с национально-ориентированной гражданской идентичностью во втором кластере менее 10%.

В то же время нельзя не отметить, что для данной группы характерен такой же уровень локальной самоидентификации, как и для первого кластера. Но, если в первой группе он коррелирует с высокой положительной оценкой факта присоединения к России, студенты второго кластера демонстрируют сдержанную позицию. Более 10% опрошенных дают этому факту отрицательную оценку (5,8% – «однозначно отрицательно», 5,1% – «скорее отрицательно»), и 51% респондентов затрудняются с ответом, не желая проявлять свою позицию в явном виде. При этом чуть более 34% студентов выбирают вариант «скорее положительно» при ответе на данный вопрос.

В целом можно констатировать, что студенты, отнесённые ко второму кластеру, представляют собой группу молодых людей, чей процесс ресоциализации может быть

существенным образом затруднён ввиду неприятия геополитических преобразований.

Тип гражданской самоидентификации и связанная с ним оценка факта присоединения находятся в тесной взаимосвязи с уровнем межличностного и институционального доверия. Процесс социальной интеграции в новую социально-экономическую среду, а значит, и успешная ресоциализация невозможна без доверия ключевым политическим и общественным институтам России. Поскольку за прошедшее после присоединения время молодой человек вряд ли смог сформировать чёткую позицию в отношении институциональных структур, для выявления кластерных различий автор предлагал оценить уровень доверия конкретным акторам. Именно они, по мнению автора, репрезентируют для студента политическую власть в стране в целом (Президент РФ), а также её наиболее близкий уровень в лице губернатора. Кроме этого, автор оценивал уровень доверия Русской православной церкви (РПЦ) как институту, транслирующему определённые ценностные национально-ориентированные модели, и, наконец, ближайшему окружению для оценки уровня межличностного доверия [16] (Табл. 6).

Распределение ответов, как и в предыдущих случаях, обусловлено кластером. Респонденты из третьего кластера демон-

стрируют высокий уровень доверия политическим акторам и РПЦ, несмотря на достаточно высокий уровень межличностного доверия (соседи и знакомые), примерно такой же процент респондентов не доверяет людям, проживающим с ними рядом. По всей видимости, это можно объяснить ценностной поляризацией общества, в том числе и молодёжи, в ситуации геополитической напряжённости, о чём писали ранее [17].

Респонденты первого кластера демонстрируют выраженный уровень доверия Президенту РФ (при этом высказанный уровень недоверия в этой группе самый низкий), а также Русской православной церкви, в то время как в отношении остальных субъектов их позиция в большей степени амбивалентна, так как примерно одинаковое количество опрошенных выбирают позиции «доверяю» и «не доверяю».

Второй кластер – это респонденты, которые демонстрируют высокий уровень как институционального, так и межличностного недоверия. Наиболее выражено это проявляется в отношении Президента РФ и Русской православной церкви, при этом уровень недоверия губернаторам также высок. Лишь в случае соседей и знакомых разрыв между доверием и недоверием становится не таким значимым, как в остальных случаях.

Отметим, что оценка институционального и межличностного доверия коррелируют как с оценкой факта присоединения территории к РФ, так и с типом гражданской самоидентификации респондентов, что позволяет говорить не только о различных типах гражданской и политической культуры в молодёжной среде, но и о разных жизненных траекториях выделенных групп студентов в ближайшие годы.

Обсуждение результатов

Проведённый кластерный анализ позволяет говорить о существовании в новых российских регионах трёх достаточно различных с точки зрения ценностных ориентаций, жизненных стратегий, гражданских уста-

новок групп студенческой молодёжи. Различия между этими группами статистически значимы, значит, можно предполагать, что процесс их социальной интеграции будет различным как с точки зрения временной перспективы, так и с позиции усилий, прилагаемых государственными и общественными институтами Российской Федерации для формирования единой национально-ориентированной идентичности среди молодёжи.

Охарактеризуем полученные кластеры и предложим типологию моделей их ресоциализации в контексте российского общества.

Первый кластер – это достаточно амбивалентная группа студентов, чьи жизненные ориентиры, гражданские установки не имеют чётко выраженных доминант. Молодые люди ориентированы главным образом на собственное материальное и психологическое благополучие, что и определяет их жизненные стратегии. Представляется, что они не имеют чётко сформулированных жизненных целей, а их поведение определяется ситуаций, в которой они оказались. Их позиция в отношении ближайшего будущего, а также возможной миграции достаточно поляризована. Треть студентов планирует переезд в другой регион России, треть планируется остаться в регионе проживания. Субъективная оценка эмоционального самочувствия оказывает значимое влияние на выбор будущего. В случае доминирования положительных эмоций почти 50% молодых людей первого кластера указывают на желание остаться на территории проживания, в то время как в случае эмоционального упадка более 71% готовы уехать (51% в другой регион России, 20% в другую страну).

В данном кластере доминирует национально-ориентированная гражданская идентичность, которая проявляется в позиционировании себя как гражданина своей страны или своего населённого пункта, в положительной оценке факта присоединения к России и достаточно высоком уровне институционального доверия. В то же время и по данным критериям молодые люди, входящие в первый кластер, демонстрируют высокую

поляризацию внутри группы. Так, например, уровень доверия региональной власти (губернатор) составляет здесь более 28%, а уровень недоверия 26,8%.

Модель ресоциализации, характерная для данной группы студентов, может быть названа *спонтанной*. Если жизненная ситуация молодого человека, его окружение, социальные процессы, в которые он вовлекается, будут носить конструктивный, функциональный и адаптивный характер, его интеграция в новую социокультурную реальность будет протекать достаточно быстро и эффективно. В противном случае она может быть затруднена, поскольку ориентация на индивидуальное благополучие в совокупности с невыраженными гражданскими и политическими установками будут подталкивать молодого человека к поиску конкретных локальностей и поведенческих моделей, способствующих удовлетворению в первую очередь личных потребностей. Отметим и ещё один немаловажный момент, связанный с возможным деструктивным проявлением данной модели ресоциализации. Национально-ориентированная гражданская самоидентификация – это несомненно важный конструктивный элемент общей системы диспозиций студентов первого кластера. В то же время нельзя не учитывать тот факт, что склонность к миграции внутри страны в поисках лучшей жизни может способствовать маргинализации молодых людей, их дезинтеграции, учитывая размытость жизненных планов, амбивалентность гражданской идентичности, поляризацию институционального и межличностного доверия.

Если говорить о социальных механизмах и технологиях работы с данной группой молодёжи, то на первое место в данном случае должны выходить формы, ориентированные на широкое вовлечение студентов в различного рода позитивные и конструктивные формы социальной, гражданской, творческой активности. Поскольку для данного кластера характерна ориентация на окружающую социальную среду, авторитетных ли-

деров, то задачей институтов социализации становится создание и активизация такой среды, выступающей мотиватором для социальной интеграции студентов в социокультурное пространство России.

Второй кластер включает в себя молодых людей, ориентированных главным образом на западную модель жизнедеятельности, которая сформировалась, по всей видимости, под влиянием информационно-цифровых агентов социализации (блоггеры, СМИ, социальные сети и т. д.). Длительное информационное воздействие на молодое поколение со стороны недружественных России государств не могло пройти бесследно и привело к формированию студенческой когорты, ориентированной на неприятие российских ценностей и российского государства в целом.

Если с точки зрения доминирующих ценностей (см. Табл. 1) данная группа молодёжи не имеет выраженной групповой позиции, по остальным критериям можно наблюдать антироссийскую позицию. В некоторых случаях она проявлена явным образом, в других – респонденты не высказываются напрямую, выбирая вариант «затрудняюсь ответить», частота которого значительно выше, чем в двух других группах.

Ближайшие жизненные планы студентов тесным образом связаны с возможностью после обучения переехать в другую страну, что коррелирует с самоидентификацией себя в качестве «гражданина мира». Наиболее выражено гражданские и политические установки студентов второго кластера проявляются в ответах на вопрос о присоединении территории их проживания к РФ (см. Табл. 5). Как уже отмечалось выше, более 60% респондентов не готовы положительно оценить данный факт. Не менее показательной характеристикой данной группы является очень высокий уровень институционального недоверия. И если в отношении ближайшего окружения (соседи, знакомые) респонденты демонстрируют типичную для всей выборки амбивалентность, то в случае российских общественно-политических ин-

ституты и акторы их позиция носит определённый и однозначный характер недоверия. Студенты второго кластера не доверяют ни Президенту РФ (85,3%), ни губернатору региона (47,2%), ни Русской православной церкви (61,7%).

Модель ресоциализации студентов второго кластера, которые останутся на территории Российской Федерации, можно назвать *протестной*. Её характеризует явное или латентное сопротивление социализирующим воздействиям российских институтов, низкая скорость социальной интеграции, неготовность молодых людей к интериоризации ценностных установок российского общества.

Материальные возможности данной группы студентов, по всей видимости, не позволяют всем желающим покинуть территорию страны. Это, в свою очередь, приведёт к тому, что молодые люди будут оставаться на территории своего проживания либо мигрировать в центральные регионы России. При этом высокий уровень недоверия политической системе России, ориентация на глобальные гражданские ценности в противовес российской национально-ориентированной идентичности будут способствовать социальной дезинтеграции данной группы молодых людей и низкому уровню их адаптации к новым социокультурным условиям. Это может способствовать развитию протестных настроений, высокому уровню абсентизма, различного рода девиациям.

Ключевыми формами работы по ресоциализации студентов данной группы, по всей видимости, должны стать групповые и индивидуальные психологические занятия, направленные на переосмысление жизненных ценностей и установок, работа с молодёжными лидерами, способными вовлечь студентов в социально-одобряемые и конструктивные виды активности.

Третий кластер – это студенты, чьи ценностные ориентации и жизненные планы коррелируют с особенностями российской национальной идентичности. Высокая значимость качественного образования, стрем-

ление к полноценной и продуктивной работе, готовность к самосовершенствованию и высокая ценность семьи – всё это позволяет констатировать, что данная группа молодых людей сможет успешно адаптироваться к новым социокультурным условиям и в короткий срок стать полноценными членами российского общества. Этих студентов можно рассматривать как стратегический ресурс новых российских регионов, поскольку доминирующая часть (более 50%) планирует после завершения обучения остаться на территории своего проживания.

Респонденты, отнесённые к третьему кластеру, демонстрируют высокий уровень национально-ориентированной гражданской идентичности («гражданин своей страны») и более чем в 99% случаев одобряют факт присоединения территории своего проживания к РФ. Данную группу также характеризует высокий уровень институционального доверия российской политической системе, при этом уровень межличностного доверия (соседи, знакомые) носит в большей степени поляризованный характер, как и в других кластерах. По всей видимости, данную ситуацию можно объяснить тем, что специальная военная операция и факт присоединения ведут к поляризации ближайшего окружения молодых людей, разделению его на одобряющих и не одобряющих происходящие геополитические изменения. Именно поэтому студенты всех кластеров демонстрируют амбивалентность межличностного уровня доверия. Это обстоятельство также подтверждает результаты проведённого анализа и существование различных групп молодёжи, по-разному интерпретирующих происходящие события и выстраивающих свою жизненную траекторию.

Модель ресоциализации студентов, попавших в третий кластер, можно назвать *конгруэнтной*. Это понятие тесным образом связано с термином «культурная конгруэнтность», характеризующим степень адекватности социализационного уровня молодого человека доминирующим культурным мо-

делям в обществе [18]. Как показало проведённое исследование, процесс социализации данной группы студентов протекал в зоне социокультурного влияния российских традиционных ценностей, что позволяет прогнозировать минимальный срок их ресоциализации. Очевидно, что процесс социальной интеграции студентов будет идти ускоренными темпами, чему активно способствует процесс внедрения на новых территориях эффективных технологий социального воспитания молодёжи².

Если говорить о технологиях работы с данной группой студенчества, то наиболее значимым фактором социального включения, по мнению автора, является расширение пространства социального творчества и проектирования молодых людей. Ранее, при исследовании особенностей университетской молодёжной политики [19], отмечалось существование в вузовской среде определённых дисфункций, связанных с чрезмерной социальной опекой студенчества. В ситуации с молодыми людьми, чей процесс социализации протекал в условиях вооружённого конфликта и чей жизненный опыт значительно разнообразнее опыта сверстников из традиционных российских регионов, требуется расширение автономности при вовлечении их в различного рода проектные университетские и молодёжные активности.

Проведённый кластерный анализ позволил выявить три группы студентов, значимо отличающихся друг от друга. Нельзя говорить, что полученные кластеры имеют чёткие границы и позволяют легко идентифицировать конкретного молодого человека. В то же время выявление трёх групп и моделей ресоциализации студенческой молодёжи новых российских регионов позволяет более эффективно выстраивать молодёжную и образовательную политику, учитывая существование различных, зачастую латентных сообществ в студенческой среде.

Заключение

Проведённый анализ позволил разработать и верифицировать типологию моделей ресоциализации студенческой молодёжи новых российских регионов. Сегодня на присоединённых территориях можно выделить три группы учащейся молодёжи, значимо различающиеся по своим ценностным ориентациям, жизненным планам, отношению к происходящим геополитическим событиям и демонстрирующие различный уровень институционального доверия российским общественно-политическим институтам и акторам.

Полученные результаты представляют не только теоретический интерес, но и позволяют дифференцировать механизмы социального воспитания студенчества в исследованных регионах, в зависимости от той группы, на которую они ориентированы. Это, в свою очередь, позволит повысить эффективность управления процессом ресоциализации и социальной интеграции студенческой молодёжи новых российских регионов, что является важным фактором развития солидарности внутри российского общества в контексте эскалации геополитической напряжённости.

Литература

1. Певная М.В., Шуклина Е.А., Черникова-Бука М. Участие студенчества в социокультурном развитии города: проблемы социокультурной субъектности (на материалах международного исследования) // Социологические исследования. 2022. № 5. С. 101–113. DOI: 10.31857/S013216250018512-6
2. Никольский В.С. Обучение служением в России: становление предметного поля // Высшее образование в России. 2023. Т. 32. № 12. С. 9–28. DOI: 10.31992/0869-3617-2023-32-12-9-28
3. Певная М.В., Тарасова А.Н. Предрасположенность молодёжи к волонтерству: опыт построения типологии (на материалах регионального исследования) // Социологи-

² Росмолодёжь будет активнее вовлекать студентов из новых регионов в свои программы. URL: <https://tass.ru/obschestvo/17143197> (дата обращения: 15.01.2025).

- ческие исследования. 2024. № 10. С. 55–68. DOI: 10.31857/S0132162524100057
4. Ковалева А.И., Перинская Н.А. Ресоциализация // Знание. Понимание. Умение. 2016. № 1. С. 297–300. DOI: 10.17805/zpu.2016.1.26
 5. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания: пер. с англ. М.: Моск. филос. фонд, 1995. 322 с. ISBN 5-85691-036-2.
 6. Гидденс Э. Социология: пер. с англ. М.: Эдиториал УПСС, 1999. 703 с. ISBN: 5-901006-82-8. URL: https://royallib.com/book/giddens_antonio/sotsiologiya.html?ysclid=mbuutv5nay226402251 (дата обращения: 10.01.2025).
 7. Бастрыкин А.И., Сальников В.П., Романовская В.Б., Воронков К.И. Антикриминальная ресоциализация: зарубежный опыт // Всероссийский криминологический журнал. 2020. Т. 14. № 3. С. 371–378. DOI: 10.17150/2500-4255.2020
 8. Лисовская И.В. Перевоспитать нельзя наказывать? Как конструируются сценарии реинтеграции и ресоциализации «трудных» подростков // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 2. С. 383–402. DOI: 10.14515/monitoring.2021.2.599
 9. Гуреева Я.С. Потенциал социального театрального искусства в ресоциализации молодежи // Мировая и российская наука: области развития и инноваций. 2020. С. 191–195. EDN: KDWAUC.
 10. Щелина Т.Т. Опыт и проблемы социального партнерства в обеспечении ресоциализации воспитанников закрытых учреждений // Профилактика девиантного поведения детей и молодежи: региональные модели и технологии. 2020. С. 188–193. EDN: GFPPKB.
 11. Ростовская Т.К., Галич В.М. Государственно-правовое регулирование процесса ресоциализации молодых женщин, вышедших из мест лишения свободы // Экономика. Право. Общество. 2020. № 1. С. 90–96. URL: <https://ero.rea.ru/jour/article/view/291/283> (дата обращения: 10.01.2025).
 12. Гогихвили Т.Т. Политическая ресоциализация: теоретический концепт и его возможности в контексте современных геополитических трансформаций // Общество: политика, экономика, право. 2024. № 11. С. 81–87. DOI: 10.24158/rep.2024.11.10
 13. Самаркина И.В., Башмаков И.С., Кузьменко Н.П. Формирование гражданской идентичности в системе образовательной политики в условиях трансформации политического пространства // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2024. Т. 18. № 3 (49). С. 133–143. DOI: 10.22394/2073-2929-2024-03-133-143
 14. Бродовская Е.В., Домбровская А.Ю. Ценностные ориентации и политические установки жителей АНР и ДНР: результаты социологического исследования в 2023 году // Среднерусский вестник общественных наук. 2023. Т. 18. № 6. С. 88–102. DOI: 10.22394/2071-2367-2023-18-6-88-102
 15. Syakur M.A., Khotimab B.K., Rochman E.M.S., Satoto B.D. Integration K-means clustering method and elbow method for identification of the best customer profile cluster // IOP Conf. Ser. Mater. Sci. Eng. 335, 012017, 2018. DOI: 10.1088/1757-899X/336/1/012017
 16. Цзинь Ц., Веселов Ю.В., Скворцов Н.Г. Методология сравнительного социологического исследования доверия (на примере России и Китая) // Социологические исследования. 2024. № 4. С. 3–13. DOI: 10.31857/S0132162524040013
 17. Смирнов В.А. Об эмоциональном состоянии молодежи новых российских регионов // Социологические исследования. 2024. № 11. С. 154–160. DOI: 10.31857/S0132162524110134
 18. Баянова Л.Ф., Миняев О.Г. Влияние культурной конгруэнтности на личностные свойства подростков // Казанский педагогический журнал. 2018. Т. 131. № 6. С. 192–195. EDN: YRNAUH.
 19. Смирнов В.А. Молодёжная политика и воспитательная деятельность в российских университетах: этапы развития и ключевые противоречия // Высшее образование в России. 2023. Т. 32. № 5. С. 9–20. DOI: 10.31992/0869-3617-2023-32-5-9-20

Благодарности. Исследование выполнено в рамках Государственного задания Министерства науки и высшего образования РФ «Социализация, идентичность и жизненные стратегии молодежи в условиях “новых войн”» (№ FZEW-2023-0003).

Статья поступила в редакцию 18.02.2025

Принята к публикации 02.04.2025

References

1. Pevnaya, M.V., Shuklina, E. A., Chernikova-Buka, M. (2022). Student participation in the socio-cultural development of the city: problems of socio-cultural subjectivity. *Sociologicheskie issledovaniya = Sociological Research*. No. 5, pp. 101-113, doi: 10.31857/S013216250018512-6 (In Russ., abstract in Eng.).
2. Nikolskiy, V.S. (2023). Service Learning in Russia: Scoping Review. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. Vol. 32, no. 12, pp. 9-28, doi: 10.31992/0869-3617-2023-32-12-9-28 (In Russ., abstract in Eng.).
3. Pevnaya, M.V., Tarasova, A.N. (2024). Predisposition of youth to volunteerism: the experience of building a typology (based on the materials of a regional study). *Sociologicheskie issledovaniya = Sociological Research*. No. 10. pp. 55-68, doi: 10.31857/S0132162524100057 (In Russ., abstract in Eng.).
4. Kovaleva, A.I., Perinskaya, N.A. (2016). Resocialization. *Znanie. Understanding. Ability*. No. 1, pp. 297-300, doi: 10.17805/zpu.2016.1.26
5. Berger, P., Lukman, T. (1966). *The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge*. Garden City, NY: Anchor Books. ISBN: 0-385-05898-5 (Russian translation: Moscow: Moscow. Philos. Foundation, 1995, 322 p. ISBN: 5-85691-036-2).
6. Giddens, A. (1989). *Sociology*. UK: Polity Press, 704 p. ISBN: 0-7456-0546-X (Russian translation: Moscow: Editorial URSS, 1999, 703 p. ISBN: 5-901006-82-8. Available at: https://royallib.com/book/giddens_entoni/sotsiologiya.html?ysclid=mbuutv5nay226402251 (accessed: 10.01.2025).
7. Bastrykin, A.I., Salnikov, V.P., Romanovskaya, V.B., Voronkov, K.I. (2020). Anti-criminal re-socialization: foreign experience. *All-Russian Journal of Criminology*. Vol. 14, no. 3, pp. 371-378, doi: 10.17150/2500-4255 (In Russ., abstract in Eng.).
8. Lisovskaya, I.V. (2021). Re-Educate, Not Punish? How Scenarios for the Reintegration and Resocialization of "Troubled" Adolescents Are Constructed. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2, pp. 383-402, doi: 10.14515/monitoring. 2021.2.599 (In Russ., abstract in Eng.).
9. Gureeva, Ya.S. (2020). Potentsial sotsialnogo teatralnogo iskusstva v resotsializatsii molodezhi. In: *Mirovaia i rossiiskaiia nauka: oblasti razvitiia i innovatsii* [The potential of social theatrical art in the resocialization of youth. In: World and Russian Science: Areas of Development and Innovation]. Pp. 191-195. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_43795890_76527383.pdf (accessed: 10.01.2025). (In Russ.).
10. Shchelina, T.T. (2020). Opyt i problemy sotsialnogo partnerstva v obespechenii resotsializatsii vospitannikov zakrytykh uchrezhdenii. In: *Profilaktika deviantnogo povedeniia detei i molodezhi: regionalnye modeli i tekhnologii* [Experience and problems of social partnership in ensuring the re-socialization of pupils of closed institutions. In: Proc. of Conference "Prevention of deviant behavior of children and youth: regional models and technologies"]. Pp. 188-193. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_44091120_98907906.pdf (In Russ., abstract in Eng.).
11. Rostovskaya, T.K., Galich, V.M. (2020). State-legal regulation of the process of re-socialization of young women released from prison. *Economics. Right. Society*. No. 1. pp. 90-96. Available at: <https://epo.rea.ru/jour/article/view/291/283> (accessed: 10.01.2025). (In Russ., abstract in Eng.).
12. Gogishvili, T.T. (2024). Political re-socialization: theoretical concept and its possibilities in the context of modern geopolitical transformations. *Society: Politics, Economics, Law*. No. 11, pp. 81-87, doi: 10.24158/pep.2024.11.10 (In Russ., abstract in Eng.).

13. Samarkina, I.V., Bashmakov, I.S., Kuzmenko, N.P. (2024). The formation of civic identity in the educational policy system in the context of the transformation of the political space. *Eurasian Integration: Economics, Law, Politics*. Vol. 18. No. 3 (49). pp. 133-143. (In Russ., abstract in Eng.).
14. Brodovskaya, E.V., Dombrovskaya, A.Yu. (2023). Value orientations and political attitudes of residents of the LPR and DPR: the results of a sociological study in 2023. *Srednerusskiy vestnik sotsialnykh nauk = Central Russian Journal of Social Sciences*. Vol. 18, no. 6, pp. 88-102, doi: 10.22394/2071-2367-2023-18-6-88-102 (In Russ., abstract in Eng.).
15. Syakur, M.A., Khotimah, B.K., Rochman, E.M.S., Satoto, B.D. (2018). Integration K-means clustering method and elbow method for identification of the best customer profile cluster. *IOP Conf. Ser. Mater. Sci. Eng.* 335, 012017, doi: 10.1088/1757-899X/336/1/012017.
16. Jin, Ts., Veselov, Yu.V., Skvortsov, N.G. (2024). Methodology of comparative sociological research of trust (on the example of Russia and China). *Sociologicheskie issledovaniya = Sociological Research*. No. 4, pp. 3-13, doi: 10.31857/S0132162524040013 (In Russ., abstract in Eng.).
17. Smirnov, V.A. (2024). On the emotional state of the youth of new Russian regions. *Sociologicheskie issledovaniya = Sociological Research*. No. 11. pp. 154-160, doi: 10.31857/S0132162524110134 (In Russ., abstract in Eng.).
18. Bayanova, L.F., Minyaev, O.G. (2018). Cultural congruence influence on the personal properties of adolescents. *Kazan Pedagogical Journal*. Vol. 131, no. 6, pp. 192-195. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_36643829_31079690.pdf (accessed: 10.01.2025). (In Russ., abstract in Eng.).
19. Smirnov, V.A. (2023). Youth Policy and Educational Activities in Russian Universities: Stages of Development and Key Contradictions. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. Vol. 32, no. 5, pp. 9-20, doi: 10.31992/0869-3617-2023-32-5-9-20 (In Russ., abstract in Eng.).

Acknowledgement. The study was carried out within the framework of the State Task of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation “Socialization, identity and life strategies of youth in the conditions of “new wars”” (No. FZEW-2023-0003).

The paper was submitted 18.02.2025

Accepted for publication 02.04.2025